

Кулаков В.И., Скворцов К.Н. (Москва)

БОЕВЫЕ КЛИНКИ ИЗ КЛЯЙНХАЙДЕ

"The origins of the seax are unclear" (Gale, 1989, p. 71)

Натангийский отряд Балтийской экспедиции ИА РАН, руководимый Скворцовым К.Н., в 1991—1995 гг. при раскопках грунтового могильника Кляйнхайде (Гурьевский р-н Калининградской обл.) сделал интересные находки в области раннепрусской милитари. Этими находками являются боевые клинки различных типов: ножи-кинжалы (по В.Казакевичу и В. Шименасу) и "узкий" сакс (по Л. Йоргенсену — Sax 5). Данные артефакты представлены в следующих комплексах:

KLH-8с — двухярусное трупосожжение в яме, имевшей в плане круглую форму, размерами 0,75x 0,66 м, глубиной от современной дневной поверхности не менее 0,7 м. Могила была заполнена переотложенным материковым грунтом, представляющим из себя плотный суглинок. Схематический план KLH-8с (рис. 1) выполнен В.С. Ивановым — местным жителем, случайно обнаружившим этот погребальный комплекс при земляных работах в 1992 г. В.С. Иванов передал обнаруженный в KLH-8с инвентарь в фонды Калининградского историко-художественного музея, информация о данных находках включена в отчет К.Н. Скворцова за 1992 г. (Скворцов К.Н., 1992).

Со слов В.С. Иванова погребение можно описать следующим образом: в верхней части заполнения могильной ямы находился служивший в качестве урны фрагмент придонной части лощеной миски с двумя горизонтальными ребрами. Правда, не следует исключать возможность использования этой вместимости лишь для переноса кальцинированных костей с погребального костра на место захоронения. В таком случае данную часть миски следует трактовать как "временную урну". На дне, добротного В.С. Ивановым, верхнего яруса могильной ямы обнаружены ножи-кинжалы с клинками длиной 41 и 27 см, бусина стеклянная, коса, скребница и ножницы (рис. 2). У большого клинка имеется орнамент в виде оттисков круглого чекана, идущий по внешней стороне желобков у тыльной стороны лезвия. Последнее в своей торцевой плоскости украшено прорезным орнаментом в виде "косого креста", ограниченного сверху и снизу горизонтальными линиями (Šimėnas, 1996, р. 46, 47; pav. 10). В соответствии с указанными выше особенностями большой клинок из KLH-8 находит прямую аналогию в погр. 2б грунтового могильника бывш. Детлевсру (рис. 7) Правдинского р-на (Museum Warmii i Mazur, № 92/62*). Кроме этих двух ножей-кинжалов, остальной инвентарь, найденный В.С. Ивановым в могиле (бесспорно, уже в ее нижнем, придонном ярусе) относится к захоронению коня.. Правда, его останки не были обнаружены непрофессиональным находчиком ввиду тради-

ционной плохой сохранности несожжённого костного материала в глинистых материковых почвах земли пруссов. Возможность доследования KLH-8с путем регулярных раскопок нереальная, ибо данная часть могильника ныне является частным земельным владением. Кроме находки в KLH-8с следует упомянуть нож-кинжал, обнаруженный при раскопках 1992 г. в KLH-7 (Šimėnas, 1996, р. 46, 47; pav. 11). Следует отметить, что в публикации этих клинков, осуществленной В. Шименасом, по техническими причинам KLH-8с обозначен как погр. 7, а KLH-7 — как погр. 6.

KLH-4 — вскрытое в 1995 трупосожжение в яме овальной формы размерами в материке 1,75x 1,2 м, глубиной от современной поверхности 0,7 м., ориентированной по линии северо-восток — юго-запад (рис. 3). Могила заполнена переотложенным материком с включениями древесного угля и отдельных кальцинированных костей. В центральном секторе могилы обнаружена концентрация кальцинированных костей, перекрытых лежащим по центральной оси погребения крупным валуном. К югу от него выявлено скопление более мелких камней. Условия их находки позволяют с уверенностью предполагать, что в древности они укрепляли основание крупного валуна, стоявшего по центру могилы и являвшегося своеобразным надгробием.

Поминальный комплекс, или кенотаф без следов костей и без инвентаря, был обнаружен на могильнике Кляйнхайде и в ходе раскопок сезона 1996 г. Подобного рода каменные "стелы" известны в могильниках эстонов 4—6 вв. н.э.: "Гора Великанов", Ветрово, бывш. Штунен, Нова Боцвинка, Половите (Bohnsack, 1940, с. 25, 26). Присутствие на Янтарном пути обычая водружения на месте могилы мощного валуна справедливо связывается с влиянием населения о. Готланд (Žulkus, 1995, р. 78, 79, 85, 86).

Под вышеупомянутым валуном, сразу под скоплением кальцинированных костей, на дне ямы KLH-4 был выявлен "узкий" сакс в ножнах, направленный острием на юго-запад (рис. 3). К нижней части, лежащей по оси погребения сакса, прикреплен нож с костяной рукоятью (рис. 3, 4). Его ножны имели навершия трапециевидной формы и находят тем самым убедительные аналогии в древностях Боспора Азиатского, относимых к эпохе возникновения при хане Кубрате "Великой Болгарии" (634—640 гг.) (Агавин, 1996, с. 228, 232, табл. 5: 3). При расчистке меча из KLH-4

*Приншу глубокую признательность Др. Одойовой и Сикорской за возможность ознакомления с этим материалом коллег.

на 80% площади ножен обнаружены остатки деревянного футляра. Он состоял из двух деревянных пластин толщиной около 0,6 см. Согласно результатам предварительного анализа древесины можно с уверенностью утверждать, что материалом для изготовления ножен сакса послужила ольха. По всей своей длине футляр сакса был скреплен по своему периметру U-образной в сечении железной скобой, которая соединялась с древесиной футляра железными заклепками в количестве не менее 13 шт. Оковка устья ножен крепилась заклепкой к футляру на обеих плоскостях ножен. Верхняя петля португей сакса присоединялась непосредственно к оковке. В средней части ножен имеется по-перечная обоймица, состоящая из двух железных пластин, скрепленных 4 заклепками. Из обоймицы выходят

литарии о. Готланда в материале 650—700 г. (Nerman, 1969, taf. 129, № 1161, 1167; taf. 134, № 1189) и у соседних пруссам куршей и скальвов (Казакевич, 1988, рис. 40). У распространившегося несколько позже (в 670—700 гг.) (Jørgensen, 1992, р. 21) в западной части североевропейского макрорегиона "узкого" сакса (Sax 5) принципы устройства и подвески ножен не ясны.

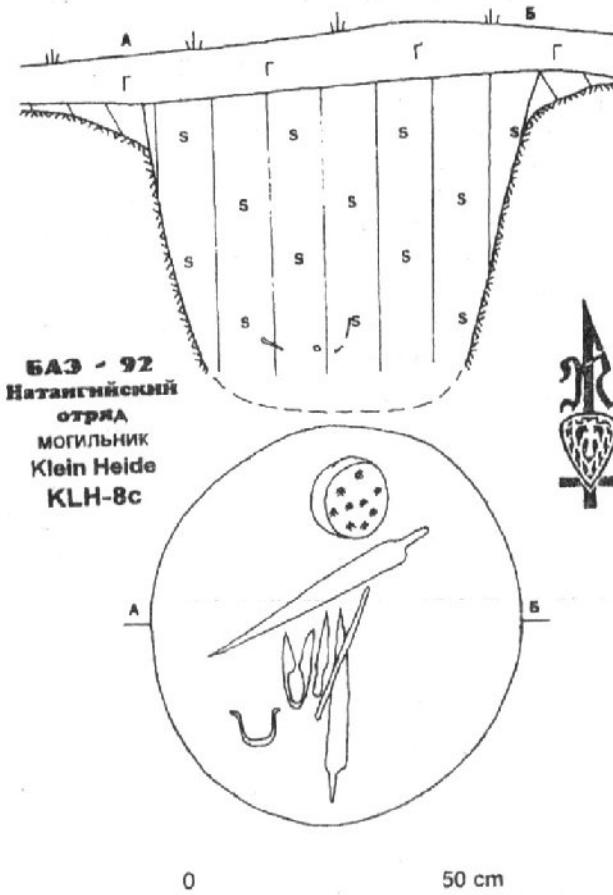
Кроме сакса из KLH-4, однотипный клинок был обнаружен в KLH-3. Принцип конструкции его ножен анализу не поддается.

Новые находки из Кляйнхайде предоставляют возможность решить проблему генезиса боевых однолезвийных клинков эпохи Великого переселения народов, первое появление которых в европейском Barbaricum приходится на ареал пруссов.

Однолезвийные боевые клинки середины I тысячелетия н.э. стали привлекать внимание исследователей балтских древностей лишь в последние годы. Основную работу в этом направлении проделали литовские археологи Витаутас Казакевич, впервые выделивший тип ножей-кинжалов (Казакевич, 1988, с. 85) и Вальдемарас Шименас. Последний так описывает тип однолезвийных клинков треугольной формы: "Боевые ножи-кинжалы характеризуются .. длиной клинка от 25 до 49 см, сильно сужающиеся от черешка к острию, которое приобретает шилообразную форму... Иногда на лезвии у черешка имеются X- или V-образные знаки. Весовой центр у таких ножей размещен у самой рукояти.. Ножи-кинжалы имели исключительно колющущую функцию" (Шименас, 1992, с. 96, 97).

К настоящему времени в западнобалтском ареале между устьем р. Пасленки и Литовским Взморьем известно 34 пункта находок клинков, бесспорно относящихся к типу ножей-кинжалов. При этом основное скопление данных предметов вооружения представлено на Самбии, в меньшей степени — на правобережье р. Неман (рис. 5), где они нередко встречаются в погребениях воинов, сопровождаемых захоронением коня (рис. 6, 7). В. Шименас связывает появление ножей-кинжалов с фактом участия западнобалтских воинов в событиях, последовавших за поражением части "варварских" союзников гуннов в битве при Недао (455—457 гг.). По мнению литовского коллеги, ножи-кинжалы вместе с прочими новациями в материальной культуре были принесены в юго-восточную Балтию вернувшимися на родину дружиинниками. "Создание этого типа оружия можно объяснить синтезом как римского, так и кочевого оружия, его истоки надо искать в Среднем Подунавье, а также на побережье Черного моря и в римских провинциях (в особенности в Паннонии и Норике)" (Шименас, 1992, с. 100). Справедливость этого предположения будет ясна в результате проведения обзора истории оружия близкого боя, использовавшегося воинами Янтарного берега и их соседями на всем протяжении эпохи римского влияния.

Войцех Новаковский — польский исследователь древностей эстонцев, прямых предшественников прус-

Условные обозначения (для рис. 1, 3)

- [Полосатый] - дёрг
- [Полосатый] - слабо-залистый суглинок
- [Склейка из двух полосатых] - переотложеный залистый предметик
- [Круг с точками] - камень
- [Полосатый] - материк

Рис. 1. Схематический план KLH-8c, выполненный В.С. Ивановым.

дит нижняя петля для португей, образующая зажим, обладающий пружинным эффектом. Он позволял быстро отсоединять сакс в ножнах от системы португей. Данная особенность сакса из KLH-4 отражена в ми-

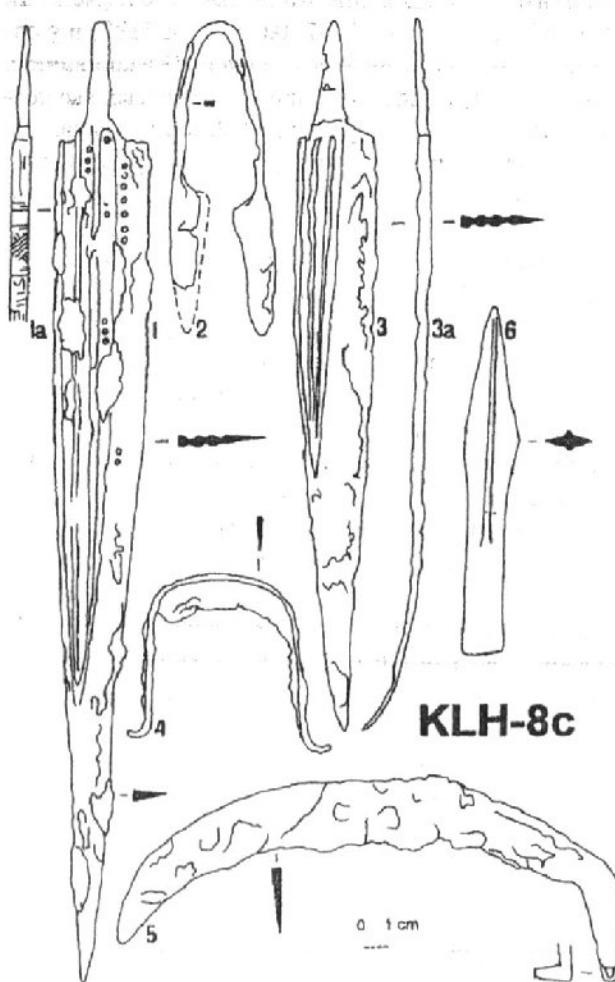

Рис. 2. Інвентарь KLH-8с 1 — большой нож-кинжал; 1а — изображение "косого креста" на торцевой части юлника большого ножа-кинжала; 2 — ножи-спицы; 3 — малый нож-кинжал; 3а — вид торцевой части малого ножа-кинжала, слабо согнутого после обжига на погребальном костре; 4 — скребница; 5 — коса; 6 — копье.

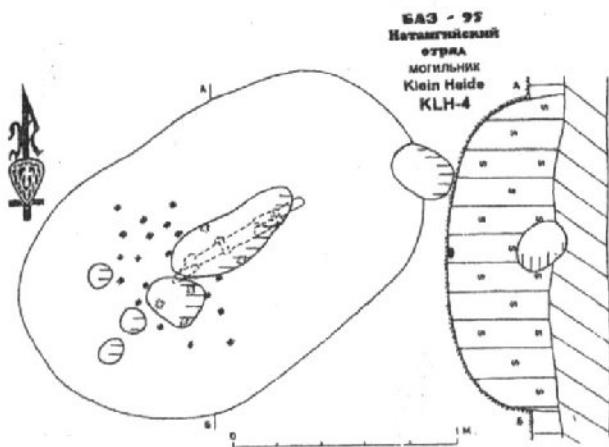
сов — основе данных старых раскопок могильников юго-восточной Балгии сделал такой вывод о вооружении эстииев: “Отсутствие мечей Aestii могли компенсировать длинными боевыми ножами (длиной 25—40 см)” (Nowakowski, 1994, с. 386). Как считает польский коллега, этот тезис подтверждает сообщение Тацитта: “Мечи (ferrum) у них (эстииев—К.В.) — редкость; употребляют же они чаще всего дреколье (fustium)” (Корнелий Тацит, 1969, с. 372). Термин *fustium* (“дреколье”) обозначает, по мнению В. Новаковского, втульчатые и проушные боевые топоры, являвшиеся основным оружием эстииев. Обладавшие топорами и боевыми ножами, конные эстиии, тем самым имели структуру вооружения и тактику боя, аналогичные скифским (Nowakowski, 1992, с. 389, 380). Если принять эту точку зрения, остается неясным вопрос с оружием дальнего боя у эстииев. Ответ на этот вопрос подсказывает сообщение Тацитта о германцах: “... железо (ferrum, то есть, по В. Новаковскому — “мечи”), судя по изготавливаемому ими (германцами—К.В.) оружию, у них не в избытке. Редко кто пользуется мечами и пиками больших размеров; они имеют при себе копья... фрамеи, с узкими и короткими наконечниками... тем же оружи-

ем ... они сражаются как издалека, так и в рукопашной схватке” (Корнелий Тацит, 1969, с. 356). Дротики-фрамеи использовались как пешими, так и конными воинами-германцами. Общность комплекса вооружения германцев и эстииев 1—4 вв. н.э. показывает значительное количество дротиков (в том числе, фрамеи и ангоны), находимых в погребениях пеших и, реже, конных воинов Янтарного берега (Гуревич, 1960, с. 387, 389). Таким образом, можно констатировать близость тактики германцев и эстииев эпохи римского влияния. Те и другие начинали бой броском дротиков, ближний бой велся короткими однолезвийными клинками. На ранней фазе гуннского периода, бросок дротика в начале боя восточные готы заменяли метанием дубин. Аммиан Марцеллин сообщает о ходе битвы при Салиции, произошедшей на территории нынешней Добруджи в 378 г.: “И уже, поражая друг друга издали веррутами и другим метательным оружием, грозно сошлись враги для рукопашного боя и, сдвинув щиты в форме черепахи, сошлись нога к ноге с противником. Варвары, легкие и подвижные в своем строю, металли на наших (легионеров — К.В.) огромные обожженные палицы, поражали в грудь кинжалами более упорно сопротивлявшихся...” (Аммиан Марцеллин, 1911, кн. 31, 12).

Показательно, что параметры клинков восточных германцев и эстииев (длина лезвия — не более 50 см) соответствовали стандарту меча римских легионеров (*gladius*). Стремление эстииев использовать именно короткие мечи (даже — для всадников) подчеркивается находкой в погр. 34 могильника Хрустальное (Зеленоградский р-н) такого клинка, переделанного из римского меча типа *spatha* (Nowakowski, 1983, с. 82) и датируемого рубежом этапов В/С (150—200 гг. н.э.) (Raddatz, 1992/93, с. 141). Таким образом, принципы снаряжения и тактики воинов-эстииев вряд ли отличались от воинских характеристик “варварских” федератов в римских легионах. Такие формирования известны со 2 в. н.э. в античной истории под именем *auxilia* (Härtel O., 1971, с. 79). Факт прямого знакомства в 1—2 вв. жителей Янтарного берега с системой снаряжения легионеров (Kulakov, 1996) и их кельтских федератов (и противников) (Wilbers-Rost, 1994, с. 101) к настоящему времени не вызывает сомнений. Воинские контакты связывали Самбию в эпоху В2 с римскими провинциями Норик и Паннония, развиваясь по трассе Янтарного пути (реки Висла, Дунай и Тисса). Именно этим путем, как справедливо предположил В. Шименас, позднее, после битвы при Недао, поступили на Самбию из Подунавья ножи-кинжалы.

Этот тип оружия ближнего боя уникален для Европы гуннского времени. Такие клинки сохраняют привычный для эстииев параметр римского меча (вариант *gladius hispaniensis*). Западнобалтский нож-кинжал ввиду обязательного наличия на клинке 3—5 углубленных полос технологического характера (результат ковки, по К. Раддатцу — *Hohlschliffe* (Raddatz, 1992/93, с. 131)) воссоздает традиции гладиусов, пшеворских однолезвийных колющих мечей фазы В1 (Godłowski, 1981, с. 81, 83; tabl. IX: 2) и боевых но-

жей периода BC1 (около 200 г.) (Drobergar, Peška, 1994, s. 291, abb. 11). Треугольную форму клинка и кольцевиднос навершие (сохранилось на костяной рукояти ножа-кинжала из погр. 30 могильника Видгиряй) (Šimėnas, 1996, pav. 17) при создании нового типа своего оружия эстии позаимствовали в арсенале кочевого мира (Nicolle, 1995, p. 14). Такие кинжалы, напоми-

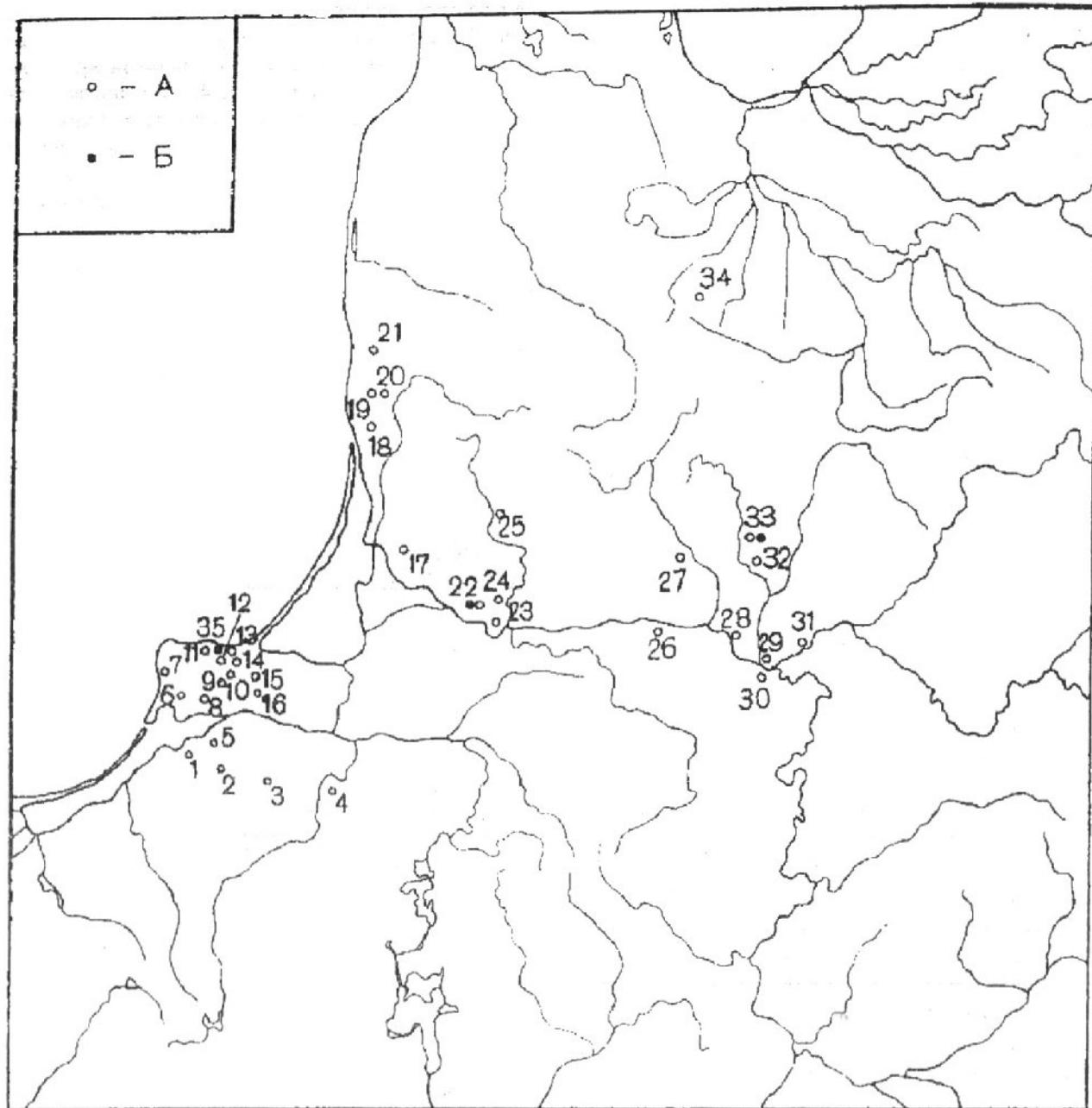

Рис. 5. Распространение ножей-кинжалов в эпоху "пост-Недао" (по В. Шименасу с уточнениями В. И. Кулакова) 1
- Первомайское (Warnikam); 2 — ehem. Hochschakeinen; 3 — Березовка (Gr. Sausgarten); 4 — ehem. Detlevsruh; 5 — ehem. Tegen; 6 — Кострово (Bludau); 7 — ehem. Grebieten; 8 — Ровное (Pollwitten); 9 — ehem. Greibau; 10 — Геройское (Goythenen); 11 — "Гора Великанов" (Hüneberg bei Rantau - Neu Kuhren); 12 — ehem. Eisliethen; 13 — ehem. Lauknicken; 14 — Коврово (Dollkeim); 15 — Зайцево (Trentütten); 16 — ehem. Klein Heyde; 17 — Rubokai (Rubocken); 18 — Aukštakiemiai (Oberhof); 19 — Rūdaičiai; 20 — Tūbaisiai; 21 — Geistauty; 22 — Vidgiriai (Wittgirren); 23 — Sodénai; 24 — Greženai (Greyszonen); 25 — Šarkai; 26 — Pakalniškiai; 27 — Kalniškiai; 28 — Kriemala; 29 — Veršvai; 30 — Marvelė; 31 — Radikiai; 32 — Pašušvis; 33 — Plikaigalis; 34 — Jauniekiai; 35 — Кулково (Sorthenen).

сых крестов и V-образных фигур представляет собой на самом деле магические руны. Начиная с 3 в. н.э. они встречаются на оружии в германских древностях (прежде всего — в Ютландии). “В связи с магическим значением каждой из рун части надписи, состоящие из одного или нескольких знаков, не образующих слово” (Мельникова, 1977, с. 10). Черты ножа-кинжала сохраняют и их миниатюрные копии—небольшие ножи с прорезным и чеканным орнаментом (рис. 7, Do-124).

Принципы ношения ножа-кинжала раскрывают находки портупей в погр. 23 могильника Видгиряй

(Šimėnas, 1996, pav. 18: 1) и погр. 50 (рис. 6) могильника Плинкайгалис (Kazakevičius, 1993, 215 pav.), датируемого по позднему варианту фибулы с треугольной ножкой рубежом этапов C1B/D, т.е. временем не позже 420 г. (Schuster, 1995, S. 308). В этих трупоположениях ножи-кинжалы сопровождались плечевыми портупеями с бронзовыми умбоновидными заклепками и с широким декоративным концом ремня. Судя по металлическим частям таких портупей на могильнике “Гора Великанов” и в погр. 14 могильника бывшего Грюнайкен (Tischler, 1879, s. 225), а также по-

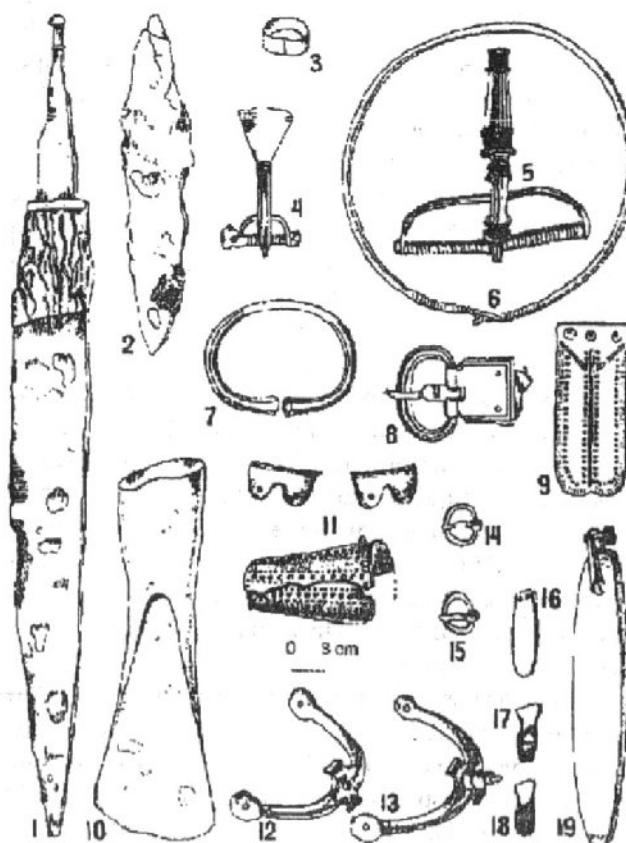

Рис. 6. Инвентарь погр. 50 могильника Плинкайгалис
1 — боевой нож с остатками деревянных ножен; 2 — нож с остатками ткани (от чехла?) на лезвии; 3 — бронзовое пластинчатое кольцо; 4 — бронзовая арбалетовидная фибула с треугольной ножкой и граненым навершием держателя пружины; 5 — бронзовая арбалетовидная фибула с декоративными кольцами на ножске, плакированной серебром; 6 — серебряная гривна; 7 — серебряный браслет; 8 — серебряная пряжка; 9 — серебряный наконечник ремня; 10 — железный кельт; 11 — бронзовые детали оковки верхней и нижней частей ритона; 12, 13 — бронзовые шпоры; 14, 15 — бронзовые пряжки ремней, крепивших шпоры на ногах; 16—18 — бронзовые наконечники шпорных ремней; 19 — оселок.

чи полного комплекса накладок данной португии (рис. 8) из погр. 20 могильника Куликово (Muzeum Warmii i Mazur, № 661/72, в могиле, вскрытой в сезоне 1931 г., найден обломок ножа-кинжала (?) и зубы коня), подобная португия использовалась эстиями Сямбии, возможно, не многим позже времени бытования находки в Плинкайгалис. Украшавший ее ремень трубкообразный бронзовый наконечник и аналогичные окаймления накладок из Куликово датируются по аналогиям севера римской Галлии временем около 430 г. (Böhme, 1989, abb. 40). По своей конструкции португия ножа-кинжала западных балтов находит полную аналогию в перевязи римских конных воинов 3 в. н.э. типа balteus (Connolly, 1981, p. 261), представленную в левой части рис. 9. По первой находке португии ножей-кинжалов, сделанной в Литве, данный тип перевязи предлагается именовать balteus Vidgiriai (рис. 9, справа). На этом поясе носился не нож-кинжал, а его прямой предшественник и один из прототипов — бо-

вой нож с горбатой спинкой. Данный артефакт характерен для западнобалтских древностей позднеримского времени. Ко внутренней части balteus Vidgiriai крепился узкий ремешок, к которому по римскому обычаю мог подвешиваться в кожаных ножнах нож-кинжал (рис. 8: 2). Ношение короткого клинка пехотинцев на кавалерийской португии показывает смешение воинских традиций в бурную эпоху Аттилы. С

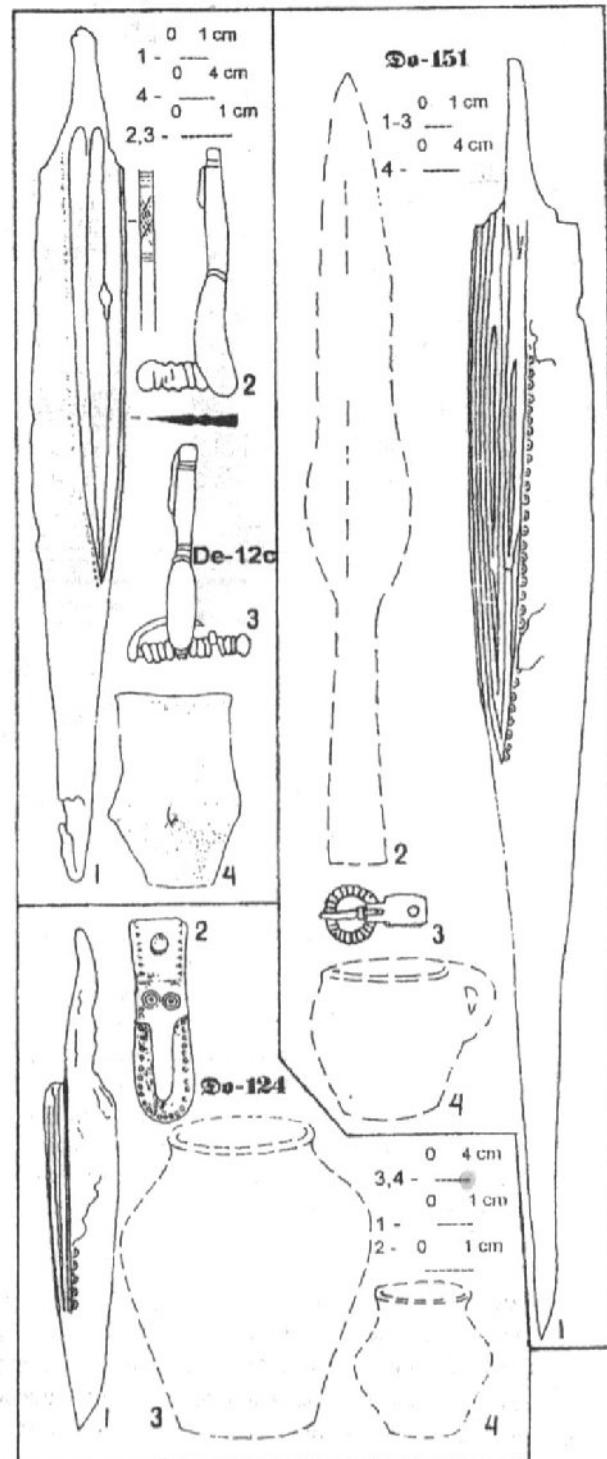

Рис. 7. Инвентарь погребений могильника Коврово (Зеленоградский р-н, ехем. Dollkeim, Kr. Samland) Do-124 (слева внизу), Do-151 (справа) и погр. 12с могильника бывш. Детлевсру (Правдинский р-н). Найденные, показанные пунктиром, графически воспроизводятся по описаниям О. Тишлера и по аналогиям, приведенным Г. Кемке.

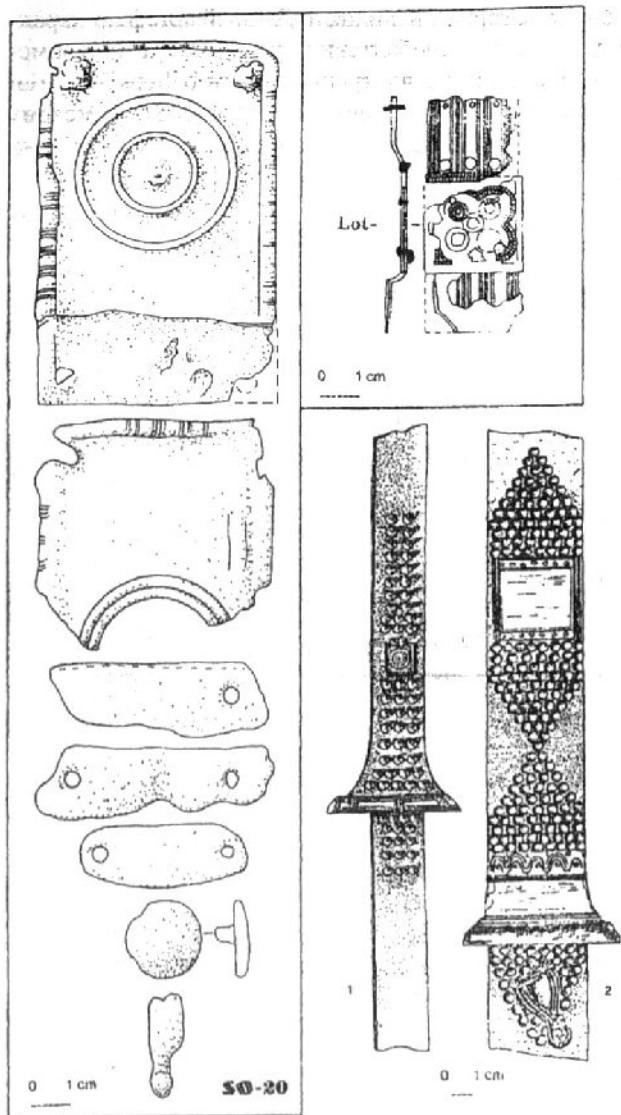

Рис. 8. *Balteus Vidgiriai*: бронзовыя накладкі портупеі из погр. 20 могильника Куліково, Зеленоградскій р-н (слева); бронзовыя, плакированыя серебром с позолотой накладкі из погр. 6/№ могильника на ул. Лотничай г. Эльблонга (сверху справа), реконструкціи В. Шименаса и В. Казакявичюса портупеі из погр. 2 Видгірий (1) и из погр. 50 Плінкагатіс (2). В последнем случае виден бронзовый наконечник ремешка, крепившегося с внутренней части основного ремня портупеі к декоративной плакетке и удерживавшего ножны ножа-кинжала.

наружной стороны портупеи упомянутое крепление маркировалось декоративной пластиной. Правда, в погр. 2 Видгирий и в погр. 8с Кляйнхайде обнаружены сразу по два ножа-кинжала различных параметров, в основном лежавшие у левого предплечья погребенного воина. Это указывает на возможность ношения клинков разного размера на *balteus Vidgiriai* у левого плеча (за спиной?), в общих для обоих клинков ножах. Присутствующие в погр. 20 могильника Куліково короткие прямоугольные накладки могли относиться к системе, закреплявшей малый клинок с внешней части ножен большого клинка (рис. 9, справа). Парные клинки в погребениях встречаются именно в таком положении. Правда, накладки предложен-

ного выше крепления *in situ* пока не обнаружены. При необходимости (например при долгих конных переходах) воин, потянув за широкий декоративный конец ремня портупеи, мог переместить ножны с клинками на левую часть своей спины. Не исключено, малый нож-кинжал предназначался для метания. Тем самым расширялись возможности метательного оружия ранних пруссов, в чём арсенале середины 5 в. сохранились дротики и, возможно, лук со стрелами. Последний факт подтверждается находками стрел степного облика на могильнике "Тора Великанов" (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 1992). В эпоху римского влияния стрела была обнаружена лишь в погр. 10 могильника Вулка (Ольштынское воев. Польши). Ее втульчатый наконечник с двумя шипами относится, судя по встреченному в этой в могиле железному бубенчику (Tischler, 1879, с. 260), к 3 — началу 4 вв. н.э. Воссозданные выше аспекты происхождения ножей-кинжалов позволяют следующим образом кратко характеризовать их генезис:

1) К началу 3 в. н.э. в низовьях р. Висла и на Самбии, в соседствующих и тесно связанных между собой регионах вельбарской и западнобалтской культур появляется тип боевых ножей длиной не более 20 см. Мастера, изготавливавшие на далёкой окраине Barbaricum этот новый тип оружия, следовали пшеворской и, возможно, провинциально-римской традициям. Этот тип ножей (Heydeck, 1888, тaf. VIII), известен на Самбии и позднее, в 5 в. (рис. 7, Do-124).

2) В начале 3 в. н.э. часть восточногерманского населения Повисленья мигрирует в юго-восточном направлении. Это стремительное переселение захватывает из запада Мазур и часть эстийев-галиндлов (Nowakowski, 1989, с. 155). Их миграция прекрасно подтверждается археологическим материалом нач. 3 в. н.э. из Нижнего Поднепровья (Гей, Бажан, 1993, с. 57, 58). В процессе этих этнических передвижений пришельцы с Балтики могли познакомиться с новациами римской милитарии. Мечи типа Иллеруп, имевшие ножны с U-образными в сечении оковками и носившиеся на портупее типа *balteus*, были хорошо известны в это время жителям пшеворского региона (Kaczanowski, 1992, с. 179, 183), краем которого прошли готы и эстии. Отдельные группы балтских воинов перемещались в 4 — начале 5 вв. по трассе Янтарного пути. Ввиду этого новинки римской милитарии (*balteus*) попадают на Балтию еще в раннегунскую пору, подготавливая окончательный вид всего комплекса аксессуаров, связанных с ножом-кинжалом. В окончательном виде специфический облик оружия западных балтов сформировался в Среднем Подунавье. Именно там эстии сражались под знаменами сынов Аттилы бок о бок с гуннами, готами и аланами в битве на р. Недао. При непосредственных контактах с легионерами позднего Рима возник подобный по функциям гладиусу и близкий по очертаниям римскому кинжалу клинок западных балтов. Наряду с этим он совмещал в себе и черты оружия племен, входивших в "гунскую державу". Неотъемлемым его аксессуаром стал *balteus Vidgiriai*, приспособленный к ношению

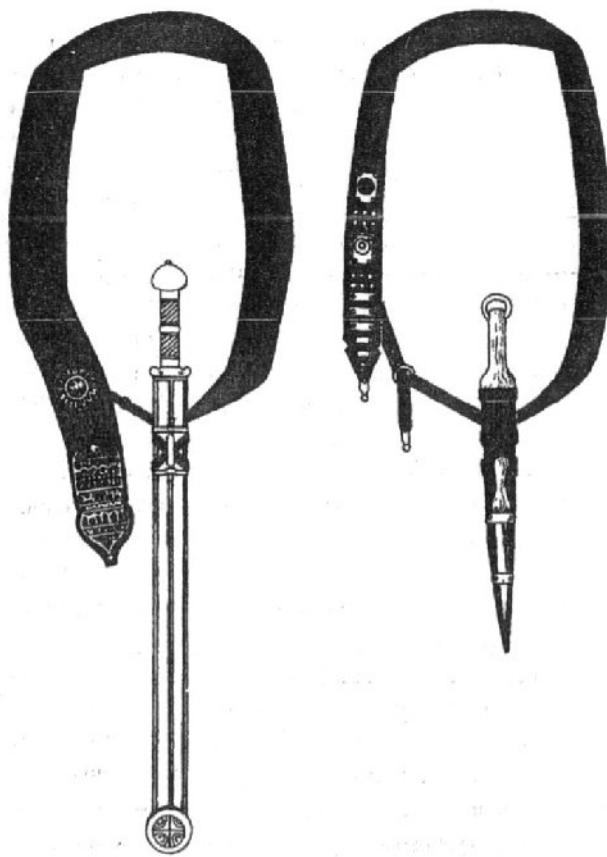

Рис. 9. Реконструкции портупеи *balteus* 3 в. н.э. (по Й. Олденкитайну) и *balteus Vidgiriai* середины 5 в. н.э. (В.И. Кулаков по данным погр. 20 могильника Куликово). Черным цветом здесь и на рис. 11 показана кожа ножен, портупей и поясов.

клинов как на бедре воина, так и за его спиной. Формирование этой портупеи, как показывают материалы могильника Плинкайгалис, происходило в Балтии по римским образцам еще до битвы при Недао. В поздне-гуннских древностях юга Восточной Европы также известны однолезвийные клинки, аналогичные ножам-кинжалам по своим параметрам и форме (Засецкая, 1994, с. 34, 35). Принципы устройства их портупей неизвестны.

Формирование типа ножа-кинжала именно в эпоху кризиса гуннской державы может быть связано с необходимостью четкой градации гуннского войска по тактическим функциям. Ножи-кинжалы с шилообразным острием и особой упругостью клинка, приданной ему особым образом расположенным канавками, были незаменимы в руках бойцов, в спешенном строю подавлявших сопротивление латников противника. Характерно, что именно колющая функция отражена в прусских словах *kalabian* ("меч"), *kalopeilis* ("нож") (Топоров, 1980, с. 166). Следует полагать, балтийские воины, являвшиеся в эпоху римского влияния фактически ауксилиариями, в период крушения Рима формируют абсолютно новый род войск. Логично предположить, что наряду с эстиями ножами-кинжалами были вооружены отряды других "варваров". В эпоху "пост-Недао" они ушли на родину со своим новым оружием. Судя по ведущим признакам формы и па-

метров, группа 2 однолезвийных клинков англо-саксов 6 в. (Gale, 1989, р. 72) непосредственно восходит к ножам-кинжалам. Клинки эстияев представляются прототипами некоторым саксам Скандинавии начала 7 в. (Arrhenius, 1982, fig. 19: a). Это было бы логично в случае справедливости гипотезы В. Шименаса о совместном уходе из Паннонии гепидов Ардариха и эстияев. В устье р. Висла союзники разделились, гепиды направились на о. Готланд (Šiménas, 1993, р. 79, pav. 11).

3) Балтийские воины, ветераны гуннских войн, в свой состав могли включать и потомков галиндлов, ушедших в поиски новых вариантов Янтарного пути с готами в начале 3 в. н.э. Этот спаянный огнем сражений воинский коллектив после поражения при Недао не участвовал в дележе "гуннского наследства", а, используя гуннскую базу на территории нынешней Южной Польши (Dąbrowski, 1981, с. 285), вернулся на землю предков. Думается, их туда влекло не столько воспоминания о родных очагах, сколько перспектива безбедного существования на янтарных приисках. Среди новаций, принесенных воинами на Янтарный берег, были ножи-кинжалы, позволившие своим владельцам быстро установить свое господство в первую очередь на Самбии (Кулаков, 1994, с. 159). Это оружие стало специфическим признаком западнобалтийских (прежде

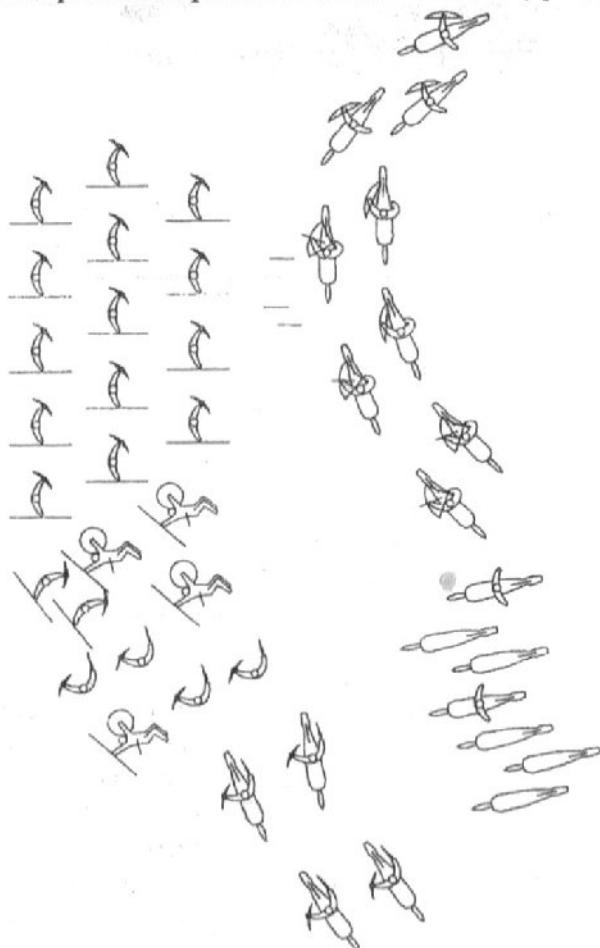

Рис. 10. Схема тактики боя конных гуннов-лучников (первая волна атакующих) и конников-эстияев, сражающихся в пешем бою ножами-кинжалами (вторая волна атакующих) (В.И. Кулаков, Д.В. Кулаков).

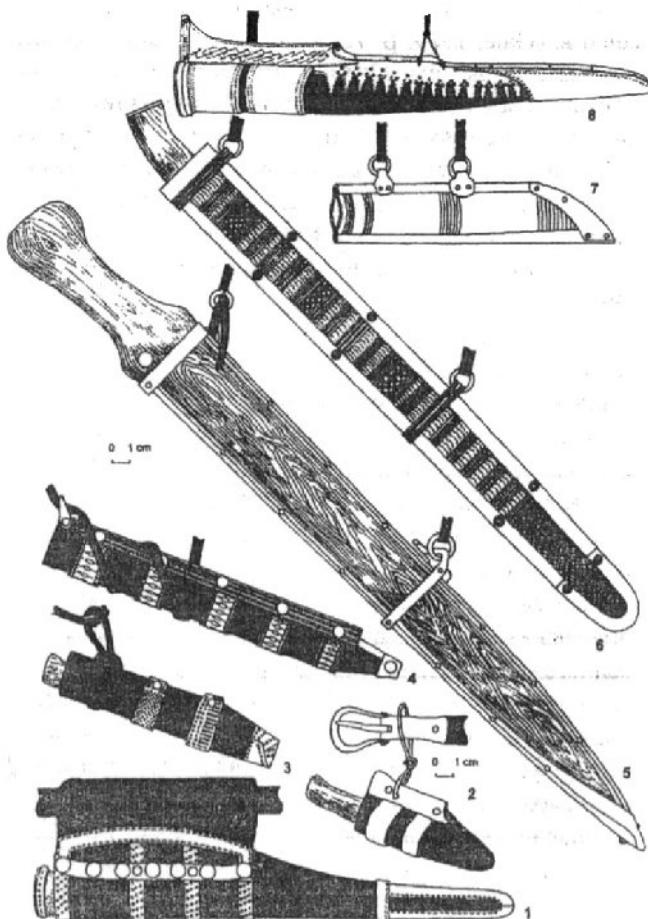

Рис. 11. Реконструкции ножен, частей портупеи и способа крепления ножей и саксов Юго-Восточной и Восточной Балтии 6—11 вв.: 1 — Тумяны (Ольштынское воев. Польши), погр. 38; 2 — бывши. Лайстен-Якоб (Кляйпедский р-н Литвы), погр. 13; 3 — Тумяны, погр. 74; 4 — Косево (Ольштынское воев. Польши), погр. 553; 5 — KLH-4; 6 — г. Эльблонг (Польша), ул. Армии Червоной, погр. 6/№; 7 — Тарвасту, приход Леума (Эстония); 8 — Прекуле (Латвия).

всего — самбийских) дружины эпохи переселения народов, по своей популярности у воинов-профессионалов напоминая позднейшие метательные дубинки, ставшие в 14—15 вв. национальным оружием пруссов (Кулаков, 1997, с. 151).

4) Компактное скопление ножей-кинжалов на Самбии показывает ареал их первичного распространения в эпоху “пост-Недао” (около 455—475 гг.) в Балтии. Косвенно это подтверждается и близким к римским прототипам *balteus Vidgiriai* из Куликово. Одновременно, но в значительно более скромных масштабах идет распространение ножей-кинжалов на правом берегу р. Неман (рис. 5). Их ареал в целом совпадает с распространением синхронных им фибул со звездчатой ножкой (включая острова Борнхольм, Оланд и Готланд) (Bitner-Wróblewska A., 1991/1993, fig. 6), “звериноголовых” фибул около 450—550 гг., связываемых с деятельностью дружинной группы видвариев (Кулаков, 1990а, с. 210—212, рис. 6). В западнобалтском фольклоре память о кровавых событиях, ознаменовав-

ших в Балтии эпоху “пост-Недао”, сохранились в прусских легендах о дружинных вождях-братьях Видевуте и Брутене (Šimėnas, 1994, p. 38), для Правобережья р. Неман реализовалась в предании о Палемоне и его воинах (Büga, 1958, p. 187). Расположение ножей-кинжалов в Центральной Литве показывает направление походов вернувшихся из дунайских земель воинов, стремившихся установить контроль над торговыми путями в ареале балтов. Направление этих походов практически в точности повторили прусские дружины, ушедшие на рубеж ~ 11—12 вв. с Янтарного берега в земли родственных аукштайтов (Кулаков, 1994, рис. 90).

Появление в эпоху “пост-Недао” западнобалтских ножей-кинжалов стало одним из показателей внедрения в европейскую милиитарию идеи однолезвийного узкого клинка, предназначенного к колющим ударам. Это новшество европейской милиитарии позволяет с учетом реконструированной Й. Энгстрёмом тактики северных германцев (Engström, 1992, p. 48, bild 13) предполагать соответствующий способ боевых действий поздних эстов (рис. 10). Отличаясь по своим параметрам и балансировке от прежних боевых ножей *Barbaricum*, ножи-кинжалы соответствовали инициированной гуннами в среде германцев тактике боя, сходной с действиями позднейших драгун (Kazanski, 1991, p. 134). Оперативно появляясь в нужном месте, всадники покидали своих коней и бились в пешем строю короткими клинками, способными поразить колющим ударом даже тяжеловооруженного противника, уже ошеломленного лавиной стрел, выпущенной первой волной атакующих, которую составляли конные лучники-гунны. Такую тактику, именовавшуюся “косой боевой порядок”, через 13 веков после Недао применял Фридрих II Великий, король Пруссии. Правда, гуннским союзникам этот маневр не способствовал в их последней битве на полях Паннонии.

На последней фазе эпохи Великого переселения народов оружием боя спешенных конников, известным на севере нашего континента вплоть до конца эпохи викингов (Исландские саги, 1956, с. 287), является тип “узкого” сакса, обнаруженный в комплексе KLH-4. Общие принципы конструкции его ножен, имеющие прямые аналогии в балтском ареале (Казакевичюс, 1988, рис. 40: 2—6), позволяют датировать находку из Кляйнхайде временем до 650 г.

“Узкие” саксы характеризуются пропорцией соотношения ширины лезвия к его длине в значении 1/10, плавно изогнутой (нередко скопленной) частью лезвия у острия клинка. Эти черты показывают основную функцию “узкого” сакса: нанесение стремительных ударов, рассекающих легкие доспехи неприятеля режущим концом клинка. Такой принцип действия холодного оружия был принесен в Европу гуннами (Gale, 1989, p. 71), чьи однолезвийные клинки (*gladius hunnicus*) дублировались однолезвийными кинжалами, носившимися у пояса горизонтально (Nicolle, 1995, p. 13, 14). Появление на Дунае и на Рейне в середине 6 в. авар, обладавших аналогичным по боевым характеристикам оружием (Кюрти, 1985, с. 14, 16, 18),

стимулировало распространение у германцев и их соседей клинков, типа "узкий" сакс. Тяжелые однолезвийные мечи и боевые ножи додуннского времени, как и позднейшие каролингские мечи, предполагали действия иного характера. "...Центр удара меча лежит на расстоянии 2/3 его длины от того конца, которым наносится удар" (Соловьев, 1985, с. 149). Слабую конкурентоспособность неуклюжих по своей форме боевых ножей германских и балтских ауксиллариев с 6 века сменяет оптимальность изящных "узких" саксов. Изгиб их рукояти и сконченная режущая часть конца клинка создали уникальный ударный эффект, до последнего времени считавшийся привилегией лишь салтовских сабель (Соловьев, 1985, с. 151, 152). В Западной Европе и Скандинавии боевые ножи с узким лезвием, возникнув под гуннским и аварским влияниями в 5 — начале 6 вв., около 630 г. превращаются в "узкий" сакс (Jørgensen, 1991, p. 158, 159, fig. 25). Такой клинок в ножнах найден в погр. XIV могильника Вендель, датируемого 630-640 гг. (Arwidsson, 1983, p. 74, 75, fig. 2a).

Находка из KLH-4 является полной аналогией вендельского клинка, таким образом скандинавское происхождение сакса из Кляйнхайде не вызывает сомнения. Можно с уверенностью полагать, что его владелец был скандинавом, на что указывает каменная стела на его могиле. Правда, она обнаружена (не *in situ*?) в горизонтальном положении, полностью перекрывая сакс, лежавший на дне могилы (рис. 3).

Появление в глубинах Самбии уроженца скандинавских островов задолго до эпохи викингов не вызывает удивления. Прусы в 5—7 вв. был тесно связаны со своими северными соседями, в том числе, на семейном уровне (Wyszomirska-Werbart, 1992, p. 69, 70). Исходя из этого, можно предполагать, что и традиция "узких" саксов с характерными ножнами, обнаруженными в Венделе и Кляйнхайде, была получена скандинавами не из Западной Европы, а с Янтарного берега. Балтский археологический материал подтверждает это предположение.

К концу 6 в. облик "узких" саксов в ножнах с U-образным сечением оковки устойчиво сформировался в западнобалтском ареале. Его генезис происходил на южной границе земли пруссов — на западе Мазурского Поозерья. Известные на могильниках мазурской культурной группы боевые ножи, предтечи "узких" саксов, имеют длину лезвия от 9 до 17 см, причем пропорция соотношения его ширины к длине исчисляется в значении 1/10 (Кулаков, 1990б, с. 164). Их появление в Юго-Восточной Балтии связывается с произошедшим около 600 г. мощным этническим импульсом части германского, аварского и славянского населения Среднего Подунавья, направленного в Янтарный край (Кулаков, 1990б, с. 177). Если конструктивно мазурские ножны с U-образным сечением оковок связаны со Средним Рейном (схема спаты), то их орнамент имеет аварское происхождение. Доказано, что эти клинки и ножны к ним производились на рубежах балтского мира оружейниками, пришедшими из пределов Каганата в 1 раннеаварский период (Urbańczyk, 1978, s.

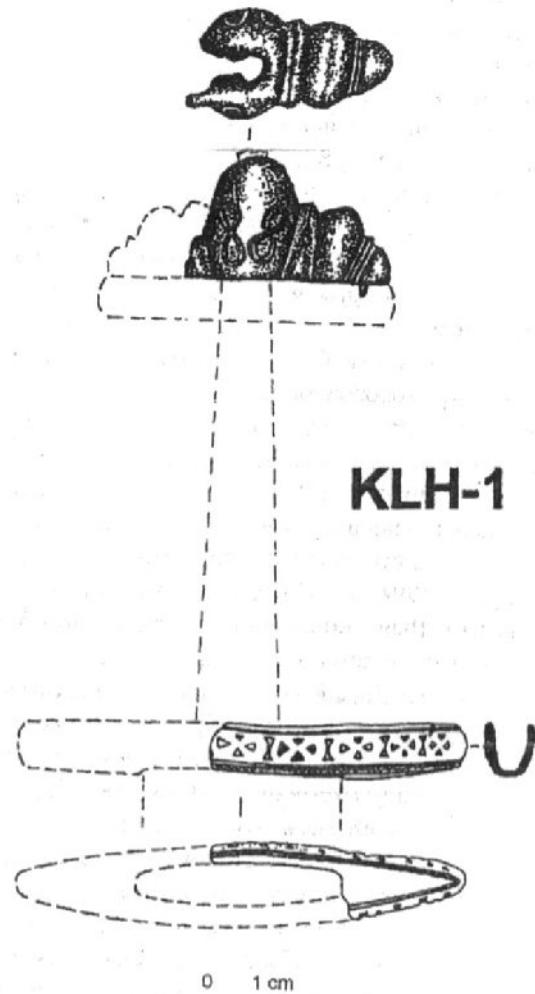

Рис. 12. Бронзовое перекрестье и навершие меча, относящиеся к KLH-1, обнаруженному в 1991 г. на могильнике Кляйнхайде. Навершие найдено В.С. Ивановым в 1994 г. поблизости от KLH-1. В комплекс этого разрушенного плугом трупосожжения входили, кроме обожженных обломков рукояти меча, фрагменты двух круговых сосудов и бронзовый спиральный перстень.

29, 55, 62, 69). Из их мастерских выходили как "узкие" саксы, так и клинки большей длины, близкие по параметрам спатам. Последние, приспособленные для конного боя, горизонтально привешивались к поясу за скобы, крепившиеся к ножнам на стороне, противоположной лезвию (Кулаков, 1990в, с. 29). Напротив, ножны "узких" саксов Балтии начиная примерно с 600 г. и до конца эпохи викингов привешивались лезвием вверх (рис. 11). Косая подвеска подобных клинков и однолезвийных мечей была обусловлена удобством при посадке всадника на коня (Gale, 1989, fig. 6: 15). Расположение боевых ножей в ножнах лезвием вверх предохраняло кожу ножен от порезов. Женщины Мазур следовали аварской моде и подвешивали свои ножи вертикально к поясу (рис. 11: 2, 3). Максимальная длина "узкого" сакса (50 см) позволяла в считанные

мгновения освободить его из ножен, не отводя при этом кисть руки далеко за корпус. Правда, присущие аварским обычаям полукруглые скобы для подвешивания ножен к поясу у ножей в Балтии быстро трансформируются в горизонтальные, а позднее в фигурные пластины (рис. 11: 1, 4, 8).

Этот же вывод можно сделать о западноевропейских ножах эпохи Меровингов. Их распространению в немалой степени могли способствовать прямые торговые контакты пруссов и западных славян с западом континента (Žak, 1979, с. 54). В ряде случаев бороздки на клинках ножей эпохи Меровингов напоминают аналогичную особенность ножей-кинжалов (Menghin, 1985, с. 164, abb. 148). Существующие реконструкции подвески саксов в Западной Европе крестообразно со спатой (Neumayer, 1995, с. 97), делают совершенно невозможной посадку воина на коня. Сакс, который, в отличие от спаты, носился своим хозяином постоянно (Menghin, 1994, с. 247), должен был иметь удобную портупею. Выяснению этого вопроса способствуют находки в балтском ареале “узких” саксов.

Кроме Кляйнхайде такие клинки известны на куршской территории в бывшей Грайженен (Garte, 1929, abb. 242), в Паланге (Volkaitė-Kulikauskienė, 1981, II pav.), в Гробине (Nermał, 1958, taf. 38: 223). Будучи сугубо боевым оружием, эти клинки, сохранив в упрощенном виде всю схему конструкции ножен западно-мазурских ножей, лишиены присущей им орнаментики. Кожаная обтяжка ножен заменена более надежным деревом. Широкие скобы для подвески, державшиеся на ножнах при помощи кожаных петель, скандинавские мастера заменили на узкие железные петли, оканчивавшие железные обоймицы, соединявшие части деревянных ножен. Нижняя петля имела пружинный разъем. Для крепления ножен к поясу эта деталь не имеет смысла. Крепеж такого рода актуален лишь для плечевого ремня портупеи, позволяя легко освобождать оружие от ремня. Такие “карабины” по сей день используются при подвеске армейских полевых сумок. Таким образом, напоминавшие своим невероятно узким острием ножи-кинжалы, “узкие” саксы продолжали общие принципы подвески своих боевых предшественников. Подобного рода портупея была известна скандинавам вендельского времени (Arwidsson, 1977, abb. 65, 66). Прусский материал позволяет предполагать даже о наличии в средней части ремня плечевой портупеи декоративной пластины. Благодаря любезности Др. М. Хафтки в фондах Музея Эльблонга был осмотрен комплекс накладок конца 7 в. из раскопок 1931 г., проведенных на могильнике на ул. Логничей (рис. 8, Muzeum Elbląga, № 192i (40)), который напоминает декоративные пластины с портупеей более ранних ножей-кинжалов.

Пожалуй, главным отличием южноскандинавских саксов от клинков пруссов было погружение в ножны лишь самого клинка. Его рукоять полностью оставалась наружу. Клинки пруссов, напротив, почти полностью помещались в ножны (рис. 11: 6), что предотвращало их непроизвольное выскальзывание при резких движениях воина. Скандинавы устранили это неудоб-

ство, не исключено, путем устройства в рукояти сакса примитивного пружинного фиксатора. Его железная кнопка сохранилась на рукояти клинка из KL H-4 (рис. 11: 5).

Итак, находка “узкого” сакса в Кляйнхайде проясняет некоторые аспекты истории милитарии народов Балтики на исходе эпохи Великого переселения народов:

1) Традиция изготовления боевых клинков длиной до 50 см сформировалась в Южной Скандинавии в первой трети 7 в. в процессе обоюдных контактов с западными балтами. Оно отмечено как в практической милитарии, так и в круге предметов, сопутствующих оружию. Среди последних—ажурные детали портупеи, известные в погр. 14 около 560—570 гг., раскопанного на могильнике Вендель (Stolpe, Arne, 1912, taf. 41: 4). Такие находки определяют специфику мазурской культурной группы в 675—700 гг. (Кулаков, 1990б, с. 172).

2) Своей функцией — нанесением в пешем строю коротких секущих ударов — “узкий” сакс в сущности продолжал выполнение боевой задачи ножа-кинжала. На родство этих типов видов холодного оружия указывает тождество параметров и пропорций клинка, а также общие принципы устройства портупеи.

3) Как и нож-кинжал в эпоху Аттилы, “узкий” сакс вендельского периода стал подлинным открытием в военном искусстве Европы. Своей боевой функцией он, а не позднейшие салтовские сабли, на много веков предвосхитил качества шашки (Кулаков, 1994/95, с. 205). Поразительный феномен детального сходства ножа-кинжала, “узкого” сакса и типов кавказского холодного оружия заслуживает пристального внимания этнологов и оружеведов.

На могильнике Кляйнхайде известны и находки поздних клинков. Среди них—случайно обнаруженный в распашке у KLH-8c меч типа ТII с литыми из цветного металла деталями рукояти и бронзовые части рукояти меча того же типа кон. 11 в. из KLH-1 (рис. 12). Следует отметить, что мечи данного типа изготавливались в юго-восточной Балтии на закате эпохи викингов (Кулаков, 1990в, с. 31). Находки в Кляйнхайде показывают факт постоянного присутствия на протяжении шести столетий дружиинников на пути, ведшем посуху от пролива Брокист (юго-западная оконечность Куршской косы) к устью р. Преголи, т.е. к месту, занимаемому ныне г. Калининградом. Вплоть до конца эпохи викингов Кляйнхайде привлекает разноплеменных искателей удачи (Кулаков, 1994, р. 116). Вооруженные новинками тогдашнего оружия, они внедрялись в местное общество и участвовали в создании неповторимой по своему блеску прусской культуры. Находки в Кляйнхайде позволяют предполагать появление уже в 5 в. тактики боя спешенных всадников, покрывшего воинской славой русские знамена в эпоху Петра Великого. Однолезвийные клинки, которое первыми стали применять прусские дружиинники на заре истории, возродилось в оружейных мастерских новейшего времени (кинжал-бебут горных артиллеристов Русской Армии эпохи Александра III, плоский штык в германской армии образца 1895 г.).

ЛИТЕРАТУРА

- Аммиан Марцеллин, 1911.* История (кн. 31). Киев (пер. Кулаковского Ю., Сонни А.).
- Атавин А.Г., 1996.* Погребения VII- начала VIII вв. из Восточного Приазовья// Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.. Самара.
- Гей О.А., Бажан И.А., 1993.* Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре // ПАВ, т. 3.
- Гуревич Ф.Д. 1960.* Из истории юго-восточной Прибалтики в 1 тысячелетии н.э.// МИА. Вып. 76.
- Засецкая И.П., 1994.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—У вв.). СПб.
- Исландские саги, 1956. М.
- Казакевичюс В., 1988.* Оружие балтских племен II—VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс.
- Каменецкий И.С., 1989.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э.—III в. н.э. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Карамзин Н.М., 1842.* История Государства Российского, т. 1. СПб.
- Корнелий Тацит, 1969.* О происхождении германцев и местоположении Германии // Сочинения в двух томах. Т. 1. Л.
- Кулаков В.И., 1990а.* "Звериноголовые" фибулы балтов (V—VII вв.)// СА. № 2.
- Кулаков В.И., 1990б.* Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V — начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878—1938 гг.) // Barbaricum-89. Warszawa.
- Кулаков В.И., 1990в.* Древности пруссов VI—XIII вв. САИ. Вып. Г 1-9.
- Кулаков В.И., 1994.* Пруссы (V—XIII вв.). М.
- Кулаков В.И., 1997.* Варникам. Древности прусских вождей // ГАЗ. № 12.
- Кюрти Б., 1985.* Сокровища аваров. М.
- Мельникова Е.А., 1977.* Скандинавские рунические надписи. М.
- Соловьев А.И., 1985.* О некоторых особенностях клинового оружия// Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск.
- Топоров В.Н., 1980.* Прусский язык. I—К. М.
- Шименас В., 1992.* Боевые ножи-кинжалы в балтийском ареале в V—VI вв.// Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Arrhenius Å., 1977.* The Chronology of the Vendel graves // Vendel Period Studies. Stockholm.
- Arwidsson G., 1977.* Valsgärde 7. Lund.
- Arwidsson G., 1983.* Valsgärde // Vendel Period Studies. Stockholm.
- Bitner-Wróblewska Å., 1991/1993.* Et baltisk smykke. Forbindelser mellem Bornholm og Baltikum i Folkevandringstid // Fra Bornholms Museum.
- Bohnsack A., 1940.* Ostgermanische Gräber mit Steinpfeiler und Steinreifen in Ostdeutschland// Gothiskandza, H. 2. Danzig.
- Böhme I., 1989.* Gallie in der Spätantike. Forschungen zum Ende der Römerherrschaft in den westlichen Provinzen// Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 34, Teil 2 (1987).
- Büga K., 1958.* Medžiaga lietuvių, latvių ir prūsų mytologijai // Büga E., Rinktiniai raštai, t. I. Vilnius.
- Dąbrowski Ė., 1981.* Kultura hunów// PZP. T. V. Wrocław etc. Późny okres lateński i okres rzymski.
- Droberjar E., Pešca J., 1994.* Waffengräber der römischen Kaiserzeit in Mähren und die Bewaffnung aus dem Königsgrab bei Mušow// Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin-Marburg.
- Ehrlich B., 1939.* Das preußische Graberfeld von Hochschekeinen, Kreis Pr. Eylau // Prussia, Bd., 33, 1.-2. H.
- Engström J., 1992.* Skandinaviskt krigsväsen under mellersta järnåldern // Meddellande 52. Armémuseum Årsbok 1992. Stockholm.
- Garte W., 1929.* Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg.
- Gale D.A., 1989.* The Seax // Weapons and Warfare in Anglo-Saxon England. Oxford.
- Godłowski K.* Kultura przeworska // PZP. T. V. Wrocław etc. Późny okres lateński i okres rzymski.
- Härtel G., 1971.* Auxilia // Lexikon der Antike. Leipzig.
- Heydeck J.* Der südliche Teil des Graberfeldes von Grebieten, Kreis Fischhausen // Prussia, Bd. 33.
- Jentzsch A., 1896.* Bericht über die Verwaltung des Ostpreussischen Provinzialmuseums der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschafts in den Jahren 1893—1895. Königsberg.
- Jørgensen L., 1991.* Kobbeågravpladsen, en yngre jernaldergravplads på Bornholm// Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie 1991.
- Jørgensen L., 1992.* Chronological studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden. Copenhagen.
- Kaczanowski Ś., 1989.* Bemerkungen zur Chronologie des Zustroms römischer Waffenimporte in das europäische Barbaricum // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków.
- Kazakevičius V., 1993.* Plinkagailio kapinynas // LA. t. 10.
- Kazanski M., 1991.* À propos des armes et des éléments de harnachement "orientaux" en Occident à l'époque de Grandes Migrations (Ixe — Ve s.) // Journal of Roman Archaeology, Vol. 4.
- Kulakov V., 1994.* Vakarų Lietuvių V—XII a. radiniai Prūsų žemėse // Klaipėdos miesto ir regiono archeologijos ir istorijos problemas. Klaipėda.
- Kulakov V., 1994/95.* Der Goldreif von Strobjehnen und seine Bedeutung im Beziehungsgeflecht von Preussen und Steppenvölkern// Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 26/27. Berlin.
- Kulakov V., 1998.* Ausgrabungen am Dollkeiner-Berg // Zeitschrift für Ostforschung (in Druck).
- Menghin W., 1985.* Die Langobarden. Archäologie und Geschichte. Stuttgart.
- Menghin W., 1994.* Kelten, Römer und Germanen. Archäologie und Geschichte in Deutschland. Augsburg.
- Müller H., Köllig H., 1981.* Europäische Hieb- und Stichwaffen. Berlin.
- Nerman B., 1958.* Grobin-Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm- Uppsala.
- Nerman B., 1969.* Die Vendelzeit Gotlands. Bd. II. Stockholm.
- Näumqöär K., 1995.* Spathagarnitur von Typ Civezzao // Merowingerzeit. Die Altertümer im Museum für Vor- und Frühgeschichte. Mainz.
- Nicolle D., 1994.* Attila and the Nomad Hordes. London.
- Nowakowski W., 1983.* Rzymskie importy rzemiosłowe na terytorium zachodniobałtyjskiego kręgu kulturowego// Archeologia, t. XXXIV.
- Nowakowski W., 1989.* Kultura wielbarska à zachodniobałtyjski krąg kulturowy // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin.
- Nowakowski W., 1994.* Krieger ohne Schwerter. Die Bewaffnung der Aestii in der Römischen Kaiserzeit // Beiträge

zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin-Marburg.

Okulicz-Kozaryn J., 1992. Ett kulturcentrum vid Weichsels mynning under de första århundradena av vår tideräkning// Dokumentation av folkvandrings-och äldremedeltida symposiet i Lidköping. Götiska Minnen, 1. 113.

Raddatz K., 1992/93. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen //Offa, Bd. 49/50.

Schuster J., 1995. Ein Werkstattkreis der Fibelherstellung in der Altmark? // Etnographisch-Archäologische Zeitschrift, 36. Jg., H. 2.

Šimėnas V., 1994. Legenda apie Videvutį ir Brutenių (legendos šaltinių klausimu) //Prūsijos kultūra. Vilnius.

Šimėnas V., 1996. Smailieji kovos peiliai-durklai balto kraštuose 1 m.e. tūkstantmečio viduryje //Vidurio Lietuvos archeologija. Etnokultūriniai ryšiai. Vilnius

Stolpe H.J., Arne T.J., 1912. Graffältet vid Vendel. Stockholm.

Tischler O., 1879. Ostpreussische Gräberfelder. Bd. III. Königsberg.

Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg.

Urbańczyk P., 1978. Geneza wczesnośredniowiecznych metalowych pochew broni białej ze stanowisk kultury pruskiej //Przegląd Archeologiczny, vol. 26.

Volkaitė-Kulikauskienė R., 1981. Ginklai// Lietuvių materialinė kultūra, t. II. Vilnius.

Wyszomirska-Werbart B., 1992. Scandinavia and the Eastern Baltic during the Migration Period. The Cultural Iteraction //Contacts across the Baltic Sea. Lund.

Żak J., 1979. Frankijskie elementy kulturowe w kulturze prapolskiej // Pomorania Antiqua, t. VIII.

Žukus V., 1995. Vakarų baltai gotų-gepidų migracijoje (I—IV a.) //Lietuvininkų Kraštas. Kaunas

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Скворцов К.Н., 1992. Отчет о работе Натангийского отряда Балтийской экспедиции в 1992 г.— Архив ИА РАН.

Muzeum Elblaga. Zbiory byłego Heimatmuseum Elblag.

Muzeum Warmii i Mazur w Olsztynie. Zbiory bykiego "Prussia-Museum" (Königsberg)

Šimėnas V., 1993. Etnokultūrinių procesų vakarų Lietuvoje 1 m. a. tūkstantmečio viduryje. Vilniaus Universitetas disertacija. Vilnius.

Kulakow W.I., Skwierzow K.H.

DIE GEFECHTSKLINGEN AUS KLEINHEIDE

Zusammenfassung

In den Jahren 1991—1995 hat K.N. Skwierzow bei den Grundausgrabungen der Grabstätte in Kleinheide (Gurjewer Rayon, Kaliningrader Gebiets interessante Funde aus dem Region der fröhpreußischen Militaria getan: Beeroligung K1H-8c—Messer—Dolche und Beeroliging K1H—4—"enger Sax" (nach L. Jorgensen — Sax 5.). Die Analyse dieser Funde gab eine Möglichkeit, folgende Schlussfolgerungen zu ziehen:

1) Zu Beginn des 3. Jahrhunderts v.u.Z. (vor unierer Zeitrechnung) erscheint im Unterlauf des Flusses Wisla und an der Sambia, in den Regionen der welbaren und westlichbaltschen Kulturen ein Typus der Gefechtmesser von nicht mehr als 20 Zentimeter Länge.

2) Einzelne Gruppen der baltschen Kämpfer verlagerten sich in dem 4. und Aufstieg des 5. Jahrhunderts auf die Frasse des Bernsteinweges. Deshalb gelangen die Neiheiten der römischen Militaria (balteus) in Baltia noch in der Frühhunnenzeit, das endgültige Äußere des ganzen Beiwerkkomplexes vorbereitet, das mit dem Messer-Dolfe verbunden ist. In der endgültigen Art formierte sich das spezifische Gesicht der Waffen der westlichen Balten im Mitteldonaugebiet in der Epoche der Hunnenkriege. Die Messer-Dolche mit ahlenartigen Spitze und eigenartiger Biegung der Klinge, dank den besondens angeordneten Rinnen waren unersetztlich bei den Kämpfern, die in der abgesessenen Front den Widerstand der Panzerträger bekämpften.

3) Die dichte Anhäufung der Messer Dolche in Sambia zeigt das Areal ihrer primären Verbreitung in Epoche "Post-Nedao" (ungefähr 455—475) in Baltia. Die Aufstellung der Messer-Dolche in Mittelitauen zeigt die Reichtung der Felodzüge der vom Donau den Handelswegen im baltischen Areal Kontrolle auszuüben strukturiert.

4) Die Tradition der Herstellung der Saxe 50 Zentimeter lang formierte Drittel der 7. Jahrhunderts im Prozeß der beiderseitigen Kontakte mit westlichen Balten.

5) Mit seiner Funktion, in der Fußfront kurze Hackschläge zu versetzen, führte der "enge" Sax die Erfüllung der Kampfaufgabe des Messer-Dolches fort.